

ЭКСПЕДИЦИИ

Топонимия тихвинской карелы: интерпретация экспедиционных материалов

В июне 2007 г. сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН была проведена экспедиция по сбору полевого топонимического материала у небольшой группы карельского населения, проживающего на территории Бокситогорского района Ленинградской области. Экспедицией было обследовано 14 из 15 населенных пунктов, в которых традиционно проживает карельское население. Среди них: Городок, Дятелка, Корыстелево, Климово, Логиново, Курето, Толсть, Бирючево, Коргорка (или Карельская Горка), Забелино, Дубровка, Новинка, Моклаково и Селище. Участниками экспедиции было опрошено 54 информанта и записано свыше 600 топонимов, большая часть из которых картографирована. Одновременно собиралась местная географическая терминология, а также карельская антропонимия. Ниже приводятся некоторые наблюдения историко-культурного характера, сделанные на основе первичной обработки собранного материала.

Группа тихвинских карел проживает на юго-востоке Ленинградской области в бассейне среднего течения р. Чагоды уже более трех столетий. Переселение карел на земли Новгородской и Тверской губерний связано с событиями русско-шведских войн XVI–XVII вв. На территории двух сельских советов (Журавлевского и Озеревского) располагается 15 карельских деревень: Утlikово (*Uutlikova*), Городок (*Gorotka*), Дятелка (*D'iat'olka*), Корыстелево (*Kor'ist'ova*), Климово (*Klimova*), Логиново (*Loginova*), Курето (*Kuuretta*), Толсть (*Tolstie*), Бирючево (*Birčova*), Коргорка (*Gorkie*), Забелино (*Zabil'n'a*), Дубровка (*Dubrova*), Новинка (*Novinka*), Моклаково (*Moklakova*) и Селище (*Selis's'a*).

По сведениям эстонского исследователя Яна Ёйспуу на территории Ленинградской области в 1970-е гг. проживало около 2 000 тихвинских карел. Однако по официальным данным 1985 г., полученным исследователем из статистического центра СССР, карел на территории области не числилось [см.: Ёйспуу, 2004, 17]. На сегодняшний день большая часть карельского населения проживает в городах и поселках области, а в упомянутых деревнях зарегистрировано около 450 представителей карельского этноса.

В языковом отношении говор тихвинских карел входит в число диалектов собственно карельского наречия и в целом близок языку тверских и валдайских карел, а также карельского населения, проживающего в Средней и восточной части Северной (Беломорской) Карелии. Это обусловлено едиными истоками названных диалектов, носители которых переселились в XVII в. с территории Северного Приладожья.

Переселение данной группы карел на бывшие земли Тихвинского монастыря, на дальние подступы к Волге, связано с историческими событиями XVI–XVII вв. В работе К. Н. Сербиной отмечается, что «начало прилива населения на посад должно быть поставлено в связь с событиями 1659 года, когда “учинилась ссора и разраثة... с немцами Свейской земли. И в то...

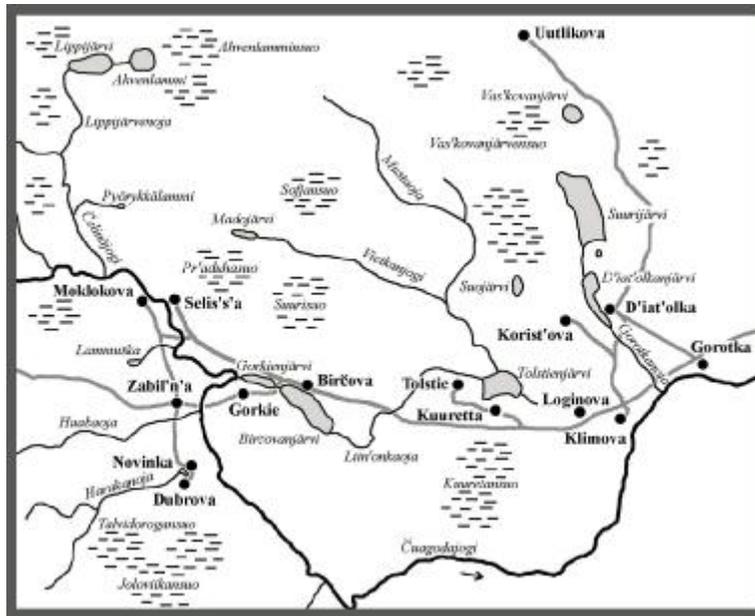

Рис. 1. Область проживания тихвинских карел

разрятье их немецкой державы жители, кореляне, бояся от них, немец, посещения и великого разорения, многие вышли из-за того немецкого рубежа..., и с тех зарубежных выходцев пришло в нашу монастырскую вотчину на Тихвинский посадец, который к тому немецкому рубежу близок» [цит. по: Сербина, 1951, 55–56].

Это была наиболее многочисленная, но не единственная волна прилива населения в тихвинские края. В 70-х гг. XVII в. в Заонежье в Шунской вотчине Большого монастыря происходили непрерывные волнения из-за притеснений, непосильных налогов и поборов. За бунт и неповиновение были выселены 16 семей шунжан на «вечное житье под монастырь на Тихвинский посадец» [Сербина, 1951, 57]. Как отмечает в своем исследовании В. Д. Рягоев, в народных преданиях тихвинских карел и по сей день можно услышать отголоски этих далеких драматических событий [Рягоев, 1977, 4].

По предположению В. Д. Рягоева, поселение карел в этих местах не было случайным. Он считает, что карелам данный регион был известен, поскольку здесь проходил водно-волоковой путь по Чагоде, Чагодоше и Мологе на Волгу. В устье Мологи когда-то находился Холопий городок, известный в то время торговый центр. Среди торговавших там упоминаются и карелы. О том, что путь этот существовал, свидетельствуют некоторые топонимы на исследуемой территории. Это, например, названия бывших деревень *Ягорево* и *Волок*, которые были сожжены литвой. О названии и истории деревни Волок (карел. *Volokankylä*) существует предание¹, записанное нашей экспедицией в деревне Дубровка, согласно которому название происходит от того, что когда-то через деревню на лошадях перетаскивали плоты для сплава по реке. Связано это было с тем, что у деревни Новинка на Чагоде начинались пороги, и сплавляться по ним было рискованно, поэтому самые опасные места объезжали на лошадях.

Таким образом, расселение карел могло происходить в местах, которые им, возможно, были знакомы по торговым делам и связям с Волгой. Известно, например, что на берегу

¹ Большая часть преданий, приводимых в работе, записана участниками экспедиции, также используются опубликованные и неопубликованные материалы В. Д. Рягоева.

Рыбинского водохранилища, недалеко от впадения в него реки Мологи стоит населенный пункт *Весъегонск* (карел. *Ves's'i*), название которого легло в основу одного из говоров тверских карел – весъегонского.

Финский исследователь Вейо Салохеймо в своей публикации, посвященной тихвинским карелам, пишет о возможных местах проживания карел на территории Северного Приладожья. Его предположения основаны на полном совпадении имен и фамилий части карельских переселенцев, зафиксированных в деревнях Курето и Селище, указания о которых он обнаружил в документах Иверского монастыря XVII в., а также списках беженцев с территории Карельского уезда. Так, по его мнению, Сава Сергеев прибыл в Селище из деревни Пиймялахти, находившейся в районе Рякюля, через валдайскую деревню Борисова. Через Валдай переселились Василий Спиридонов из деревни Литтиля прихода Тохмаярви и Сидор Евсеев из деревни Комперо, располагавшейся в окрестностях Липери. Кирилл Фомин прибыл в Курето уже в 1620-х гг. из деревни Нестеринсаари, находившейся в приходе Эно. Исследователь также упоминает об одном карельском переселенце в деревне Бережное [см.: Saloheimo, 2003, 99], которая находилась в верховьях реки Смердомли, в районе поселения Смердомля (совр. Смердомоля). В 8 км от последнего существует урочище *Карельские Пожни*, а в окрестностях Сомино, которое находится в 12 км от карельской деревни Утливова, есть озеро с названием *Лакта* (ср. карел. *lahti* ‘залив’). Кроме этого, приблизительно в 45 км на юго-запад от деревни Дубровка на территории Новгородской области в окрестностях деревни Оксово существует урочище *Карельское Раменье*. В соответствии с ономастической универсалией топонимы с этнонимическими основами маркируют территории пограничного расселения этносов. В нашем случае они, по-видимому, отражают карело-русское пограничье в определенные исторические периоды.

Местное карельское население упоминает также о четырех карельских деревнях в Хвоинском районе Вологодской области, которые находились к югу от территории современного проживания тихвинских карел. До Великой Отечественной войны существовали и праздничные связи между жителями вышеупомянутой территории и тихвинскими карелами. Все это позволяет говорить, что некогда ареал расселения карел был несколько шире современного.

Записанные в ходе экспедиции у тихвинских карел предания подтверждают и дополняют историческую информацию, связанную с переселением карелы, и тем самым проливают свет на некоторые моменты истории этой этнической группы карельского населения. В преданиях повествуется о местах бывшего проживания, времени и причинах, побудивших карел покинуть родные места, кроме того, они хранят память о первых жителях и деревнях этого региона.

В четырех из восьми преданий, повествующих о заселении, местом прежнего проживания называется Карелия (Забелино, Новинка, Толсть). Из района Лудейного Поля, согласно преданию, пришли жители деревни Дубровка. Здесь же записано другое предание, повествующее о миграции населения из Шуньского (видимо, Шуньгского) погоста (ср. исторический факт). С последним пересекается предание из деревни Бирючево, жители которого пришли с берегов Онежского озера. О переселении в эти места калининских карел сообщает нам одно из преданий, записанное в деревне Селище. Согласно другому, жители начали строить ее после того, как литва сожгла находившуюся рядом деревушку Ягорево, где находилось селище, отсюда и название нынешней карельской деревни. Можно предположить, что речь идет о разных временных отрезках истории жителей современного Селища. При этом отметим, что предания о переселении калининских карел записаны и в нескольких деревнях собственно карельского ареала Республики Карелии. Кроме этого, здесь же записано еще одно предание, которое местное население называет «чудским». Согласно ему, карел «привезли» в эти места, после того, как удалось остановить литву у деревни Сомино и обратить ее в бегство [предание записано В. Д. Ряговым].

Указываются, как отмечалось выше, время и причины переселения карельского населения. Многие из преданий связаны с деятельностью Петра Великого и военными действиями литвы против России. Так, Петром I были расселены в этих местах в качестве наказания из-за какой-то провинности жители деревни Селище. Из-за военных действий, проводимых Петром I и обложения в связи с этим налогами, карелы ушли сюда, т. е. в «самый глухой угол» (в окрестности деревни Дубровка) с территории нынешнего Лодейнопольского района. В предании, записанном в деревне Толсть, говорится о времени, предшествующем переселению. Согласно ему, карелы были у кого-то в подданстве и жили сначала «подходяще», но из-за усилившегося налогового гнета они переселились на территорию нынешнего проживания, и было это во времена Петра I. В предании, записанном в Селище, также сообщается, что «карел раньше много было и жили они все вместе в одной “Карелии”, но потом царская власть разлучила карел, отправив кого куда» [Рягоев, 1977, 239]. В деревне Селище существует также предание, согласно которому переселение карел связывается с проигрышем их в карты в одном случае Петром I, в другом – помещиком. Подобное предание фиксируется также у дёржинских карел Тверской области.

О том, что предки современных жителей карельских деревень переселялись из разных мест, свидетельствуют наблюдения местного населения, которое отмечает некоторые фонетические и лексические расхождения в речи соседствующих деревень, объединяя Селище, Моклаково и Коргорку в одну группу и противопоставляя ее другим деревням. По мнению В. Д. Рягова, изучавшего язык тихвинских карел в 1960-е гг., говор этой группы карельского населения в значительной степени един и обнаруживает отличия главным образом в употреблении шипящих и свистящих (Моклаково и Селище vs. остальные карельские деревни). Впрочем, данный факт, по мнению исследователя, может свидетельствовать и о разных исходных местах проживания.

О том, что карел поселяли, по всей видимости, в опустевшие или практически опустевшие русские деревни, говорит тот факт, что все названия нынешних карельских поселений имеют русские истоки. Обращают на себя внимание и замечания жителей Селища и Утлюкова о плохом местонахождении их деревень среди болот, что также может быть отголоском того, что карелы не сами выбирали места для своих поселений. Подтверждает данное предположение записанное в деревне Утлюково предание, в котором говорится о том, что сюда карел именно привезли, однако не сообщается, откуда [Рягоев, 1977, 273].

Предания местного населения сохраняют память и о первых деревнях и жителях этого региона. Так, первым карельским поселением считается Орокка (ныне уроч. Опоки). Кроме этого, существовал ряд других карельских деревень, таких как *Cudzeniha* (Чудениха), *Siikelövä* (Сикелево), *Jakor’ova* (Якоревое), *Sguurina* (Струпино) и *Buik(k)ova* (Быково), исчезновение которых связано с приходом литвы. Однако память о них до нынешних дней сохраняется в преданиях и топонимии (в названиях одноименных урочищ). В результате военных набегов литвы исчезли такие русские поселения, как Поделье (*Podelja*), Горка (*Gorka*) и Волок (*Volokankylä*). О приходе литвы сохранилась память и в деревне Корыстелево, однако предание не содержит сведений о его последствиях.

Основателями деревни Новинка считаются, согласно одному преданию, Бирька (*Bir’ka*) и Рябинка (*Räbinkä*), согласно другому – Миколка и Иванко, которые были выселены Петром I из Карелии. Можно предположить, что в первом предании закрепились родовые (уличные) фамилии, а в другом – личные имена первопоселенцев. Подтверждением этого могут служить официальные фамилии жителей современной деревни: ср. *Рябиничев* (карел. *Räbinä-Iva*), *Биринов* (карел. *Bir’an Gaaro*), а также, возможно, *Никуленков* (< производное от *Миколки*). Далее в предании говорится, что именно с них началась «тихвинская корела», а все остальные рода съехались откуда-то позднее.

Первым поселившимся в деревне Коростелево считается род Елкуновых. Фамилия *Елкунов* в деревне в настоящее время не фиксируется, однако из предания известно, что распавшись, этот род дал начало трем родам из шести вышеупомянутой деревни, представители которых носят сейчас официальные фамилии *Андреев*, *Иванов* и *Николаев*.

В Селище, согласно рассказам местного населения, первоначально было девять домов, в которых проживали представители четырех родов: Моторины, Редькины, Егоренковы и Топтыгины.

Все сказанное свидетельствует о нелегких временах и событиях, свидетелями которых оказались не столь уж и далекие предки современных тихвинских карел.

Анализ карельской топонимии также дает определенную информацию об историко-культурных особенностях ареала. Собранный материал подтверждает, например, тот факт, что до переселения карел исследуемый регион был территорией бывшего русского освоения, свидетельством чему являются как русские названия современных карельских деревень, так и наименования целого ряда крупных водоемов (озер, рек, ручьев) и важных с точки зрения хозяйственного использования географических объектов.

Из тридцати карелоязычных названий озер, зафиксированных на исследуемой территории, две трети имеют «русские» истоки: ср. *Diimanjärvi* (Здымля), *Gluhoijärvet* (Глухие), *Joloviikka* (Еловик), *Kopn'ova(n)järvi* (Копьево), *Loššinkajärvi* (Лошинка), *Lutoššinjärvi* (Лутошино), *Miškinjärvi* (Мишинское), *Palkinajärvi* (Палкино), *Prissinjärvi* или *Priskinjärvi* (Толстинское), *Rudenkajärvi* (Руденок), *Struuzicanjärvi* (Стружец), *Stupkajärvi* (Ступка), *Vas'kovanjärvi* или *Vas'kanjärvi* (Васьково). При этом часть водоемов названа по населенным пунктам, которые находятся или находились по их берегам: ср. *Bir'covanjärvi* (< Бирючево), *Buik(k)ovajärvi* (< Быково), *Bujananjärvi* (< Буян), *Diat'olkanjärvi* (< Дятелка), *Gorkienjärvi* (< карел. *Gorkie*; рус. *Коргопка*), *Tolstienjärvi* (< Толсть), *Sruupinajärvi* (< Струпино), *Zazerjanjärvi* (< Заозерье).

Остальные десять названий озер появились, по всей видимости, уже в карельской среде и имеют собственно карельское происхождение: *Ahvenlambi* (Окунево), *Hebojärvi* (Глухое), *Lammukka* (Ламбушка), *Lippijärvi* (Липнево), *Madojärvi* (Мадэярви), *Puörykkälammut* (Пюрюкя-ламми), *Raiduška* или *Raajaanjärvi* (Глухое), *Suojärvi* (Светлое), *Suurijärvi* (Мишинское), *Valgiejärvi*.

Отметим, что за некоторыми первоначально русскими названиями озер закрепились на современном этапе переводные карельские наименования. Например, озеро *Большое* первоначально называлось *Мишинским*, однако в настоящее время используется преимущественно первый русскоязычный вариант названия, восходящий к карельскому *Suurijärvi* (рус. *Большое озеро*), а озеро *Липнево* называют теперь *Липярви* от карел. *Lippijärvi*.

Кроме этого, необходимо заметить, что карельские названия озер фиксируются главным образом внутри карельского ареала расселения, а на его границе функционируют карелоязычные варианты русских названий.

Подобная ситуация сложилась и с гидронимами. Названия наиболее крупных рек и ручьев являются «русскими» по происхождению, в то время как на внутренних карельских территориях более мелкие гидрообъекты имеют исключительно карельские названия, большинство из которых даже не имеет русскоязычных вариантов. При этом соотношение карельских и некарельских наименований рек и ручьев прямо противоположно соотношению лимнонимов – 4 : 1. Примеры: *Celinäjogi* (Пчелинка), *Suagoda* (Чагода), *Gorodkanoja* (Городская), *Jovancovanoja* (Иванцево), *Korzovkanoja* (Корзовка), *Liin'onkaoja* (Линёнка), *Loššinkaruucca* (Лошинка), *Mel'onkioja* (Меленка), *Smerdinkajogi* (Смердинка), *Tušemel'ka* (Тушемелька), *Uz'minajogi* (Узьминка), *Vietkanoja* (Ветка). И тут же – *Harakanoja* (карел. «Сорочий ручей»), *Kivoja* («Каменный ручей»), *Lamminoja* («Озерный ручей»), *Lapsoja* («Ребячий ручей»), *Mustaoja* («Черный ручей»), *Ruozmijane* («Ржавый ручеек»), *Ullinoja* («Ульянин ручей»), *Vilunoja* («Холодный ручей») и др.

Обратим здесь внимание на то, что в восточной части карельского ареала фиксируется целый ряд названий ручьев с заимствованным из русского детерминантом *-ruucca* ‘ручей’, что свидетельствует, по всей видимости, о более интенсивных контактах с русским населением прилегающих деревень: ср. *Huabaruucca* («Осиновый ручей»), *Häkkiruucca* («Бычий ручей»), *Reduruucca* («Грязный ручей»), *Saviruucca* («Глиняный ручей»), *Tihanaruucca* («Тихановский ручей») и др.

Напрямую заимствованные из русского языка названия сельскохозяйственных урочищ, являющиеся преимущественно простыми по структуре, также фиксируются главным образом на окраинах карельского ареала расселения, в местах, где, по всей видимости, соприкасалась граница русских и карельских сельскохозяйственных угодий. Отметим при этом, что поселения карел представляют собой своеобразный остров в окружении русских деревень. Именно на русско-карельском пограничье нами зафиксированы следующие названия: покосы *Demšinännurmi*, *Dolgušši*, *Dvoorikka*, *Ganovicca*, *Golišša*, *Kardona*, *Krugliška*, *Lisv'anka*, *Lizanovšina*, *Lukovka*, *Martinova*, *Mitr'ohina*, *Nariezka*, *Peciššo*, *Piskuniha*, *Por'olkat*, *Rogoziha*, *Siidorova*, *Simaniha*, *Skovorodka*, *Somova*, *Terebišša*, *Zavodskoi*, *Zavoi*; поля *Der'binä*, *Fen'ova*, *Lubeniha*, *Ondini*, *Pluaškina*, *Prisoi*, *Pr'aduha*, *Teternikka*, *Trufanskojopeldo*, *Uz'mina*, *Zarova*. При этом часть из них имеет адаптированные карельские варианты, ср.: *Zarova* – *Zuaru*; *Trufanskojopeldo* – *Trufano*. Наиболее крупные урочища разделены на участки, которые имеют преимущественно карельские наименования. Так, в составе урочища *Nariezka* фиксируются следующие названия покосов: *Bir'annurmi* («Луг Бириновых»), *Jäniznurmi* («Заячий луг»), *Kivenkinurmi* («Каменный луг»), *Kivikolu* («Нагромождение камней»), *Kukannurmi* («Луг Кукиных»), *Marfuškannurmi* («Марфушкин луг»), *Motorannurmi* («Луг Моториных»), *Piisarinnurmi* («Луг Писаревых»), *Polostaho* («Полоса земли и нива»), *Zävinnurmi* («Луг жителя по прозвищу Жяви») и др.

Кроме наименований водоемов и сельскохозяйственных угодий, «русские» по происхождению названия и у других географических объектах на исследуемой территории: ср. болота *Cuckovasuo*, *Lobkovasuo*, *Miškinäsuo*, *Neposed'*, *Palkinasuo*, *Rudenkasuo*, *Runkinasuo*, *Seredkasuo*, *Uuhari*; рыбное место *Starorecje*, поворот на реке *Korzovankolena*, причал *Papilkanpristani*, урочища *Bajova*, *Puustošša*; горка *Kosogora*.

Анализ топонимии показал, что на территории ареала практически полностью отсутствуют карельские модели, которые могли быть принесены сюда с родовой территории карельского народа. Есть все же одна дистрибутивная модель, распространение которой указывает на связь населения с Северным Приладожьем – это названия *-l*-ового типа, который использовался главным образом при наименовании поселений и домов. В топонимии деревни Коргорка сохранилось одно название интересующего нас типа – поле *Teppo'antpeldo*. Наименование свидетельствует о том, что и у тихвинских карел данная модель использовалась, но по какой-то причине утратила популярность и вышла из активного употребления.

Ключом к разгадке могут послужить, на наш взгляд, карельские названия родов некоторых деревень, а также официальные фамилии жителей исследуемого ареала, ср.: *Kalin'onkat* – Калинин (Дубровка); *Räbinönkät* – Рябиничев, ср. *Räbinä-Mikula* (Новинка); *Boris'onkat* – Бибичев (Новинка); *Naum'onkat* – Наумов (Новинка); *Timošonkat* – Ерошёнков (Забелино); *Jeles'onkat* – Петров (Забелино); *Gamaz'onkat* – Осинов, ср. *Gamaza-Fedä* (Забелино); *Ivišonkat* – Елесёнков (Забелино); *Roman'onkat* – Романов (Селище); *Eлесёнков* (Моклаково); *Никитёнков* (Дубровка); *Степачёнков* (Дубровка); *Никулёнков* (Новинка, Логиново).

Особое внимание хочется обратить в данном случае на название дома и рода в деревне Забелино: ср. *Suaval'onkantalo*, официальная фамилия жителей которого *Петровы*. В данном случае обращает на себя внимание наличие элемента *-l-* перед русским по происхождению коллективным суффиксом *-onk-* (рус. *-оньк-*), который не представлен в рассмотренных примерах. По нашему мнению, в названии сохранился интересующий нас прибалтийско-финский суффикс *-la/-lä* (**Suaval'antalo* < *Suava* (рус. *Савва*) + *-la/-lä*). При этом можно предположить, что данный формант был вытеснен позднее синонимичным по значению формантом *-(on)ka*, который так же, как и *-la/-lä*, обозначал совокупность жителей, относящихся к одному роду. Последний мог быть заимствован в результате контактирования с русским населением исследуемого региона. Суффикс *-(on)ka* мог быть усвоен достаточно рано, свидетельством чему является фамилия *Никулёнков* в деревне Новинка. В предании об основании деревни среди первых жителей упоминается некто *Миколка* (от рус. *Николай*), имя

которого могло лечь первоначально в основу наименования рода, а позднее и официальной фамилии. Из предания также известно, что тихвинская корела берет свое начало именно от первопоселенцев деревни Новинка.

В топонимии сохранилась память и о функционировании посессивного прибалтийско-финского суффикса *-(i)nen*, который так же, как *-la/-lä*, использовался при наименовании жителей определенного рода/семьи: ср. дом *Rod'ozenpertti* в деревне Бирючево и берег *Kukkizenber'oga* (от фамилии *Kukkine* < совр. *Кукки*) в деревне Селище.

В качестве топонимического форманта и деминутивного суффикса *-(i)nen* и по сей день используется при наименовании географических объектов на исследуемой территории: ср. река *Celinäne* < *Celinäjovut*, остров *Ostrovkaine* < *Ostrovka*, ручьи *Ojane* и *Ruozmijane* < *Oja*.

Кроме этого, используется ряд других суффиксов, таких как *-(u)t*: *Pyörykkälammut*, *Celinkäjovut*, *Vietkajovut*, *Mellicänsuarut*, *Kivikkoahonsuohut*, *Pikkarainesuohut*, *Kaškuot*; русский по происхождению суффикс *-ška*: руч. *Huabariucuška* (вариант *Huabariucca*), пок. *Korbuška* (вариант *Korbi*), *Niemiška*, *Ojanladvuška* (вариант *Ojanladva*), бор *Kangahuška*, оз. *Lammuška* (вариант *Lamminjärvi*), *Raiduška* (вариант *Raajanjärvi*), *Suojärvyškä*, бол. *Plavuška* (вариант *Plavivel'ga*); а также, возможно, *-nki*: бол. *Kivenkisu*, пок. *Närienkinurmi*.

Фиксируется ряд традиционных русских суффиксальных моделей, которые являются свидетельствами достаточно раннего докарельского освоения исследуемого региона русским населением, ср. *-иха*: *Cudzeniha* (< *Чудениха*), *Simaniha* (< *Симаниха*), *Piskuniha* (< *Пискуниха*), *Rogoziha* (< *Рогозиха*) и *Lubeniha* (< *Лубениха*); *-ица*: *Ganoviica* (< *Гановица*); *-ицина*: *Lizanovšina* (< *Лизановщина*). В связи с вышесказанным стоит отметить, что мы имеем здесь дело с уникальной ситуацией, которая сложилась в результате карельской адаптации русской топонимии в XVI–XVII вв. Все зафиксированные карелоязычные названия русского происхождения могут служить неким хронологическим критерием появления и функционирования ряда русских номинативных моделей в период до переселения карел на тихвинские земли.

В результате монофтонгизации нисходящего дифтонга *ai* в языке тихвинских карел образовался долгий гласный *aa*. Данная фонетическая особенность прослеживается как в апеллятивной лексике, так и в топонимии: ср. *haagi* (< *haugi* 'щука'), *jaaho* (< *jauho* 'мука') *avaadua* (< *avaudua* 'открыться'); *Caaruaho* (< *cauru* 'крупный зернистый песок'), *Gaaronpol'anka* (< *Gauro* 'Гаврил'), *Hiilihaada*, *Hukanhaada* (< *hauda* 'яма'), *Paalandiädänaho* (< *Paula* 'Павел') и др. Отметим, что эта закономерность сближает тихвинский говор с «соседствующим» южновепским диалектом. При этом можно предполагать существование на ранних этапах истории определенных этнокультурных связей с более северными территориями, населенными вепсами.

Подтверждением данного предположения могут служить, например, зафиксированные в Селище топоним *Чудениха* (< *чудь* 'вепсы') и «чудское» предание о заселении деревни, а также прозвище *Kaibana*, которое, возможно, восходит к этнониму *кайбаны*, служащему для обозначения вепсов и широко бытующему на территории Белозерья. Происхождение данного прозвища местному населению не известно, а по отношению к вепсам ими используется этноним *сuhari* 'чухарь'. При этом карелы знают, что к северу от поселения Ефимовское начинаются территории, на которых проживает вепское население.

И. И. Муллонен, проводившая исследование топонимии южных вепсов указывает, что современная граница расселения вепсов проходит по территории, на которой находится село Радогоща. Однако, на основании распространения топонимии, имеющей вепские истоки, она предполагает, что несколько ранее граница проходила южнее, по озеру Лидскому, а еще раньше – по реке Тихвинке [Муллонен, 2006], которая расположена в 45 км от современного проживания тихвинских карел. В учетом этого можно полагать, что на определенном этапе истории исследуемого региона могло иметь место карело-вепское контактирование.

Топонимия несет также информацию о разных сторонах экономической жизни карельского населения. Она сохраняет память об охотничьих и рыболовных угодьях, рассказывает о местах размещения мельниц, кузниц, смолокурен, глиняных ям, пастбищ и др. Особо хочется отметить детально разработанную сельскохозяйственную топонимию карельской территории, на фоне, например, соседней русской топонимии. При освоении пашенного и подсечного земледелия на родовой территории у карел появилась довольно развитая земельно-терминология, закрепившая в терминах многие этапы подготовки и создания будущего участка пашни или сенокоса, а также их особенности. Не является исключением и исследуемая территория, в топонимии которой многочисленные географические названия отражают местные особенности подсечного и пашенного земледелия. Таким образом, данный факт объединяет тихвинский ареал с карельскими территориями других регионов и свидетельствует о значительной устойчивости традиционно-бытовой культуры. Примеры: *Pahapergo* (*pergo* ‘расчищенный для покоса участок’); *Miikkulanperoš*, *Suuriperoš* (*peroš* ‘расчистка’); *Perošnurmi*, *Pekunnurmi*, *Mustanurmi*, (*nurmi* ‘луг’); *Huaz’aho*, *Korendaho*, *Kangasaho* (*aho* ‘нива, вырубленное в лесу, сожженное место под поле’); *Jehropeldo*, *Melliccäpeldo* (*peldo* ‘поле’); *Zabil’n’anojanniitot* (*niitto* ‘покос, луг’); *Fedoticanniitot* (*niitot* ‘покос’); *Razi*, *Raziahot*, *Razisuo* (*razi* ‘несоженный срубленный лес; заброшенное поле’), *Mustaojankaški*, *Ogonkaški*, *Pešankaški* (*kaški* ‘подсека’); *Huuhi*, *Huuhingora* (*huuhi* ‘подсека’); *Palosuo* (*palo* ‘сожженная подсека’); *Bir’covanjälgi*, *Kondienjälgi*, *Tolstienjälgi* (*jälgi* ‘след’).

Кроме этого, в топонимии ареала фиксируется ряд заимствованных карельским языком сельскохозяйственных терминов русского происхождения, большинство из которых являются, по всей видимости, заимствованиями позднего периода. Здесь следует отметить, что в их употреблении часто не наблюдается последовательности: один и тот же информатор может употреблять термины как собственно карельские, так и заимствованные из русского. Примеры: *Kir’unpol’anka*, *Suuripol’anka* (*pol’anka* ‘поляна, луг’); *Vas’anpoloska* (*poloska* ‘полоса поля или луга’); *Vezipolossu* (*polossu* ‘полоса, надел’); *Polostaho*, *Huabapolostu*, *Perilapolostu* (*polostu* ‘полоса поля или луга’); *Rascistkapeldo* (*rascistka* ‘расчистка’), *Beloz’orovaciska* (*ciska* ‘расчистка’); *Ucaskanpeldo* (*ucaska* ‘сельскохозяйственный участок’); *Lädinänsuo* (*lädinä* ‘пустоши, покинутая и заросшая лесом земля’).

Географические термины и лексемы русского происхождения неоднократно встречаются в топонимии исследуемого региона, что обусловлено столетними контактами карельского населения с русским. При этом часть из них вошла в язык говора вместе с заимствованными понятиями, а некоторые заимствования употребляются как переводные синонимические эквиваленты карельских лексем, ср.: о-в *Ostrovkaine* (< от рус. *остров*); кладб. *Roššane* (< *поща*); повороты реки *Sorzankolena* и *Suurikolena* (< *колено*); горки *Huabagora*, *Huuhingora*, *Paimenengoraine* (< *гора*); тропы *Suarentroppane* и *Vietkantroppa* (< *тропа*); броды *Keskibrodusuo*, *Lamminsuonbrodu*, *Ojanladvanbrodu* (< *брод*); пороги *Lästilöinporogat* (< *порог*); зимник *Pienizimnikka* (< *зимник*); омут *Omutanoja* (< *омут*), берега *Jyrkköber’oga* и *Korgieber’oga* (< *берег*); выгоревшее место в лесу *Gariaho*, *Garikazet*, *Garisuo* (< *гарь*); выселки *Grišunselenja*, *Ivonselenja* (< *селенье*); низина *Povarn’anloga* (< *поварня* + *лог*); пок. *Kortohkanurmi* (< *картошка*), *Vinokurkka* (< *винокурня*); поля *Potokkapeldo* (< *поток*), *Kosogorapeldo* (< *косогор*), *Kipronsadu* (< *сад*), грива *Klyccisuari* (< *ключ*) (ср. вариант *Lähesuari*), ур. **Gorel’nikka** (< *горелое* (место)), *Gorakkoaho* (< *гора*). В последних двух примерах мы видим, что заимствованные русские термины оформлены прибалтийско-финскими суффиксами *-kka/-kko*.

В топонимии исследуемого региона фиксируются также ряд собственно карельских лексем, вышедших из активного употребления в связи с их вытеснением русскими (возвышенное место **Zürkünaho**, пок. *Zärki* < *särkkä* ‘холм, кряж’?; берег озера *Valgamo* < *valgamo* ‘причал’; пож. *Niemi*, мыс *Kiriköniemi* < *kirikkö* ‘церковь’ + *niemi* ‘мыс’; грива на болоте

Hirvisuari < *hirvi* ‘лось’; барсучьи норы *Mägränhaavat*, *Mägrihäsuo*, вариант *Jazvannorat* < *mägrä*, *jazva* ‘барсук’), а также таких, которые имеют значения, несколько отличающиеся от общераспространенных (грибное место *Järviranda*, пок. *Jogiranda*, *Plaviranda* < *randa* ‘край’, при общеупотр. ‘берег’; гривы на болоте *Madosuari*, *Somasuari*, *Kondronsuari* < *suari* ‘островок леса на болоте’, Однако в названии острова *Mellicänsuarut* на реке Чагоде сохранилось, по всей видимости, традиционное значение лексемы *suari* ‘остров в реке или озере’).

Сохранилась в топонимии региона память о помещицьем землевладении, на которое указывает неоднократно встречающаяся на территории ареала основа *bairi*-(*bajari*-) ‘барин’, ср. бол. *Bairinsuohut* или *Puorecoinsuohut* (по фамилии барина *Порецкуй*), пок. *Bairinnurmi*, ур. *Bairintanhuo* и *Bairinaho*, низина *Bairinloga*, канава *Bajarinkanuava*. Известно также о проживании барина в местечке *Lubeniha* и барской усадьбе, располагавшейся в деревне Климово. Кроме этого, фиксируется прозвище *Bajari*, ср. *Bajari-Fed’a*.

В свою очередь, хуторская система расселения отразилась в топонимах с детерминантами *-fuutora* и *-selenja*, ср.: *Gulimanfuutora*, *Jakar’ovanfuutora*, *Jovancovanfuutora*, *Solmovanfuutora*, *Sruupinanfuutora*, *Šagajanfuutora*, *Tsapanfuutora*, *Kosogoranfuutora*, *Grišunselenja* и *Ivonselenja*.

Подводя итог, отметим, что анализ топонимии тихвинского ареала показал, что ей свойственны те же типы, что и карельской топонимии в целом. Отличительной чертой по сравнению с топонимией других карельских территорий стало отражение в ней значительного числа русских заимствований, что обусловлено проживанием в течение нескольких столетий небольшой группы карельского населения среди русских поселений и, соответственно, связями с русским населением. При этом заимствования имеют разную хронологию, а толщина русского пласта в топонимии ареала колеблется в зависимости от удаления от русско-карельского пограничья. В целом же в исследуемом кусте поселений карельские названия составляют костяк топонимии. Наибольшее число «русских» по происхождению названий фиксируется в восточной части исследуемого региона, которая располагается в непосредственной близости от русских деревень. Этому способствовало, по всей видимости, и помещицье землевладение, вызвавшее более интенсивное проникновение русских заимствований в те места, где располагались барские усадьбы. Западные же деревни отделены от русских поселений рядом значительных по величине болот, что, вероятно, и стало препятствием для русского влияния на топонимию исследуемой территории.

Муллонен И. И. Формирование системы расселения в южновепском ареале // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 224–237.

Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. М., 1977.

Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVII вв. М.; Л., 1951.

Õispuu J. Karjalan kielisaarekkeita tutkimassa: viisi matkaa Tihvinän karjalaiskyliin // Karjalan heimo. 2004. № 1–2.

Saloheimo V. Vihjeitä Tihvinän karjalaisten juurista // Karjalan heimo. 2003. № 7–8.

Д. В. Кузьмин, канд. филол. наук,
мл. науч. сотр. Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)